РОБЕРТ ЛОВАРД

ВАПРЯНЫЙ ЖРЕЦ

- Роберт ГОВАРД
  - 1
  - 2
  - 3

Роберт ГОВАРД
ПОЛНЫЙ ДОМ НЕГОДЯЕВ

…Приключение в Башне Слона ничему не научило Конана. Вернувшись в город, он вскоре начисто забыл об этом. Однако, свободная воровская жизнь тоже постепенно стала ему надоедать…

1

Во время дворцового бала Набонидус, Алый жрец, истинный властелин столицы, незаметно коснулся плеча молодого аристократа Мурило и, не говоря ни слова, сунул ему в руку небольшую золотую коробочку. Мурило, зная, что Набонидус ничего не делает просто так, поспешил вернуться домой. Там он открыл коробочку. В ней лежало отрезанное человеческое ухо. Мурило сразу узнал его по характерному шраму на мочке. Это было ухо кастеляна, которого он подкупил, чтобы тот следил за коварным Набонидусом.

Несмотря на завитые и надушенные локоны, Мурило не был ни трусом, ни тряпкой и не собирался без боя подставлять свою шею палачу. Он не знал, играет ли с ним жрец как кот с мышью, или дает возможность отправиться в добровольное изгнание. Во всяком случае, у него было несколько часов для раздумий. Впрочем, Мурило знал, как разрушить планы Жреца. Ему нужно было орудие, и он знал, где его искать. Этого человека ему послала сама судьба.

В храме бога Ану, расположенном на границе храмового квартала и района воровских трущоб, все еще служил толстый хитрый жрец, в свободное от молитв время занимавшийся ростовщичеством и скупкой краденого, являясь одновременно и шпионом столичной гвардии. Жрец процветал. Деньги текли в его шкатулку — за доносы от гвардейцев и за услуги из Лабиринта — так называлась путаница тонущих в грязи улочек, ночлежек и мерзких трактиров, логово самых закоренелых воров и негодяев королевства. Среди них особой отвагой и наглостью выделялись дезертир-наемник из гундерского полка и варвар-киммериец. Первого, по доносу жреца схватили и повесили на торговой площади. Киммерийцу удалось бежать; он, узнав каким-то образом о предательстве жреца, проник ночью в храм и укоротил доносчика на голову.

В городе поднялся шум. За голову варвара была обещана награда, которой и соблазнилась одна шлюха. Опоив киммерийца вином, в которое было подмешано какое-то снадобье, она привела в комнату, где спал варвар, королевский патруль. Но когда его принялись связывать, киммериец очнулся, всадил стилет в горло капитана стражников, разбросал патрульных, и, несомненно, ушел бы, но коварное снадобье свершило свое дело. Рванувшись к двери, он не попал в нее, врезавшись в стену так, что упал без чувств.

Очнулся он в глубоком подвале, прикованный к стене, на охапке полусгнившей соломы. Конан проклинал кислое вино и предательницу-шлюху, как вдруг лязгнули засовы, и в подвал зашел человек, закутанный по самые глаза в широкий черный плащ. Киммериец решил, что это палач, присланный тихо перерезать ему горло. Но он ошибся.

— Хочешь жить? — спросил у него Мурило.

Варвар не произнес ни слова, но блеск надежды, появившийся в глазах, был лучше всякого ответа.

— Ты должен убить одного человека.

— Кого?

— Набонидуса, Алого Жреца, — ответил Мурило, понизив голос до еле слышного шепота.

Киммериец остался равнодушным, ему была чужда даже тень уважения к сильным мира сего. Жрец, нищий, король — какая разница?

— Когда я буду свободен?

— Не позже, чем через час. Эту часть тюрьмы охраняет только один стражник. Он подкуплен мной. Сейчас я сниму твои цепи. Через час после моего ухода стражник Аттикус откроет двери камеры. Ты свяжешь его обрывками своей туники, чтобы на него не пало подозрение. Сразу же отправляйся к дому Алого жреца и убей его, затем беги в Крысиную нору,

там тебе дадут коня и полный кошель золота. Это беспрепятственно позволит тебе покинуть страну.

— Согласен. Сними эти проклятые цепи и прикажи стражнику принести мне поесть, я подыхаю от голода!

— Хорошо. Но помни: бежать не раньше, чем через час, я должен успеть вернуться домой.

Освобожденный от цепей варвар встал и потянулся, играя могучими мышцами. Мурило залюбовался его могучей фигурой, сочетавшей в себе силу медведя и ловкость пантеры, подумав, что если кому-то и суждено убить ненавистного всем Алого жреца, так это только киммерийцу. Молодой аристократ еще раз повторил свой план, затем покинул тюрьму, поручив Аттикусу покормить арестованного. Мурило знал, что на стражника можно положиться, и не только благодаря щедрой взятке. Ему были известны многие грешки стражника, за которые того давно ждала веревка.

Вернувшись домой, Мурило обрел наконец спокойствие. Если Набонидус решил с ним расправиться, то действовать он будет от имени безвольного короля. Но королевская стража еще не стучала в его дверь, следовательно, жрец пока ничего не сказал королю. А вот завтра он несомненно сделает это… Если только доживет до утра.

Мурило верил, что киммериец сдержит слово. Но сможет ли он достичь цели? Многие пытались убить Алого Жреца, — но все убийцы, умелые, храбрые, жестокие, погибали таинственной смертью. С другой стороны, рожденные в городе, они не имели волчьего инстинкта варвара…

Мурило налил полный бокал вина и поднял его за человека по имени Конан, за его и свою удачу. В этот момент один из его шпионов принес весть, что Аттикус арестован и посажен в крепость, а киммериец все еще не бежал. У Мурило кровь застыла в жилах, ему показалось, что Набонидус не человек, а колдун, способный читать мысли своих жертв.

Отчаяние рождает решимость. Скрывая меч под черным плащом, Мурило выбежал из дома через черный ход. Приближалась полночь, когда он оказался перед дворцом Набонидуса, окруженным высокой каменной стеной. За ней постоянно бегал по саду гигантский кровожадный пес, натасканный на людей. Что еще ждало его за стеной, Мурило не мог даже предположить.

Те, кому приходилось бывать по государственным делам в покоях Набонидуса, рассказывали, что он окружил себя невероятной роскошью, но обходится всего двумя слугами. Обычно, видели только одного — высокого молчаливого мужчину по имени Джока, второй же не появлялся никогда, слышны были только его шаги в отдаленном конце дома. Но загадочнее всех был сам Алый Жрец. Силой интриг, хитрости и жестокости он стал самым могущественным человеком в королевстве. И король, и канцлер, не говоря уже о простом народе, были всего лишь марионетками в его руках.

Мурило взобрался на стену и спрыгнул в сад. Ни единого огонька не было в окнах дома, черной глыбой выделявшегося на фоне ночного неба. Молодой дворянин пробирался сквозь колючие кусты, ежесекундно ожидая нападения ужасного пса. Мурило сомневался, что его меч способен отразить атаку бестии, но он колебался. Смерть от клыков пса или от топора палача все равно остается смертью.

Неожиданно он споткнулся обо что-то массивное и в то же время мягкое. Мурило склонился при слабом свете звезд разглядел мертвого пса. У него была свернута шея, а на теле виднелись раны, напоминающие следы огромных клыков. Ни один человек не мог бы сделать такого. По спине Мурило пробежала дрожь. Он поспешил в сторону погруженного в тишину дома. Дверь была открыта. Он покрепче сжал рукоять меча, перешагнул порог и очутился в длинном коридоре, слабо освещенном неясным светом, который просачивался сквозь шторы,

прикрывавшие отдаленный вход. Стояла гробовая тишина.

Мурило прокрался по коридору и осторожно заглянул в комнату. Среди обломков мебели и сорванных со стен ковров лежала человеческая фигура. Лицо человека было обращено вверх, хотя человек лежал на животе, на лице застыла злобная гримаса. Мурило содрогнулся и почувствовал, что его решительность ослабевает. Он прошел через комнату, стараясь не смотреть на покойника. Судя по описаниям, это был Джока, вечно хмурый слуга Набонидуса.

Мурило очутился в круглом зале, опоясанном галереей на половине своей высоты. Посреди зала стоял роскошный стол, щедро уставленный яствами и винами. И еще… В кресле, которое было обращено к нему спинкой, Мурило увидел фигуру в одеждах, известных всему королевству. Красный рукав прикрывал руку, лежащую на поручне кресла, голова, покрытая алым капюшоном, слегка наклонилась, будто бы в раздумье. Любимая поза Набонидуса.

Проклиная оглушительные удары своего сердца, юноша стал подкрадываться к врагу, подняв свой меч. Лишь один шаг отделял Мурило от жреца, как вдруг сидящий в кресле встал, обернулся, и их взгляды встретились.

Кровь застыла в жилах Мурило. Рукоять меча выскользнула из его онемевшей руки, и клинок зазвенел, ударившись о каменные плиты.

Ужасный крик вырвался из посиневших губ юноши, и эхо его слилось с глухим шумом падающего тела.

И снова в доме Алого Жреца воцарилась тишина…

2

Вскоре после ухода Мурило из тюрьмы Аттикус принес Конану кувшин пива и зажаренную целиком бычью ногу. Конан жадно накинулся на еду, а стражник отправился на обход камер. Он еще не закончил обход, когда отряд гвардейцев ворвался в тюрьму и арестовал его. Мурило ошибался, считая, что арест Аттикуса был связан с намеченным бегством Конана. Связь стражника с Лабиринтом была слишком явной И его арестовали за один из старых грехов. Его место занял другой тюремщик — тупое создание, которое нельзя было соблазнить никакими деньгами. Слишком уж он гордился важностью своих функций.

Едва только затихли крики уведенного гвардейцами Аттикуса, новый страж начал обход камер. Когда он заглянул в камеру Конана, то пришел в ужас, пораженный неслыханным нарушением дисциплины. Он увидел свободного от цепей узника, который доедал воловью ногу. Тюремщик так взбесился, что ворвался в камеру, не позвав на помощь часовых. Конан размозжил ему голову бычьей костью, забрал стилет и связку ключей и очутился на свободе.

Из камеры он бежал сам, а это значит, что он ничего не должен Мурило. Но Конан понимал, что юноша освободил его из цепей, а без этого бегство было бы невозможным. Так что, как не верти, он оставался должником Мурило. Конан был человеком слова и решил выполнить обещание, данное им аристократу. Но сперва надо было уладить кое-какие личные дела. Он выбросил обрывки туники, оставшись в набедренной повязке. Вооружившись стилетом, Конан с предельной осторожностью крался по темным улицам и площадям, пока не добрался до Лабиринта. Здесь он уже двигался с уверенностью старожила. Улицы в этом районе не имели тротуаров и утопали в грязи и грудах мусора, который выбрасывали прямо из окон. Тут можно было легко поскользнуться и провалиться по пояс в липкую вонючую грязь. Нередко здесь попадались трупы с перерезанным горлом, или утопленные в дерьме. Честные граждане имели все основания обходить Лабиринт десятой дорогой.

Конан вовремя подоспел к своей цели. Шлюха как раз проводила очередного своего любовника. Закрыв за собой дверь ее комнаты, бандит ощупью спускался по скрипучей лестнице, погруженный в мысли, обычные для обитателей Лабиринта, как бы чего украсть. Краем глаза он успел заметить в темноте неясные очертания тела, готовящегося к прыжку и пару зловеще сверкавших глаз. Хриплое рычание, донесшееся до его ушей, было последним, что он услышал в этой жизни.

Конан прыгнул на него и острым клинком распорол ему живот. Бандит издал истошный вопль и упал замертво. Конан не обратил на крик ни малейшего внимания. В Лабиринте такие звуки были обычным делом. Конан остановился перед знакомой дверью и клинком стилета поднял засов. Он вошел внутрь и запер за собой дверь.

Шлюха, предавшая его, сидела в одной ночной рубашке на смятой постели. Она была бледна и смотрела на Конана как на приведение. Она слышала крик на лестнице, а окровавленное жало стилета сообщило ей о судьбе любовника. Однако собственная жизнь интересовала ее гораздо больше. Она принялась молить о пощаде. От страха ее язык заплетался. Конан молчал, прищурившись глядя на нее и пробуя пальцем, насколько остро лезвие стилета. Шлюха вжалась в стену и слабо закричала. Конан сунул стилет в ножны, Схватил вопящую женщину левой рукой и пошел к окну. Как и во всех домах, каждый этаж был окружен карнизом, Киммериец пинком распахнул окно и выбрался на карниз, держа под мышкой полуголую дергающуюся девку. Изнутри дома донесся шум, видимо, кто-то обнаружил труп на лестнице. Конан внимательно всмотрелся в окружающую грязь и метко швырнул девку прямо в клоаку. С минуту он

наслаждался видом девки, барахтавшейся в дерьме, с удовольствием внимая омерзительной ругани, вырывавшейся из ее рта. Конан даже захохотал басом, что случалось с ним крайне редко. Шум в доме нарастал. Конан решил: поскольку личные дела закончены, пора заняться Набонидусом.

3

Вибрирующий, металлический лязг привел Мурило в чувство. Он застонал, собрался с силами и с трудом сел, прислонясь спиной к влажной стене. Его окружал кромешный мрак. На секунду он подумал, что ослеп и чуть не сомлел от ужаса. Он принялся ощупывать все вокруг и обнаружил, что сидит на полу из плотно пригнанных каменных блоков. Стены тоже были каменными. Держась за них, он попробовал подняться. Мурило понял, что находится в подземной тюрьме, но как давно, не имел ни малейшего понятия. Ему вспомнился металлический звук. Возможно, за ним заперли дверь камеры, а может быть, подкрадывался убийца. Мурило задрожал от этой мысли и ощупью начал продвигаться вперед, рассчитывая определить границы камеры. Через несколько минут он убедился, что движется на четвереньках по уходящему куда-то вниз коридору. Внезапно Мурило почувствовал, что рядом кто-то притаился. Волосы зашевелились у него на голове, он понял — еще секунда и его сердце разорвется. В этот момент грубый голос прошептал с варварским акцентом:

— Это ты, Мурило?

— Конан!

Молодой аристократ продолжал продвигаться на четвереньках, пока не уткнулся в могучее волосатое бедро киммерийца.

— Хорошо еще, что я узнал тебя, — буркнул варвар, поднимая его. — А то уже собирался зарезать тебя, как свинью.

— Где же мы, во имя Митры?! — слабо застонал Мурило.

— В подземелье Алого Жреца.

— Который сейчас час?

— Недавно миновала полночь.

Мурило покрутил головой, пытаясь собраться с мыслями.

— А ты как здесь очутился? — спросил его Конан.

— Я пришел, чтобы убить Набонидуса. Узнал, что стражника арестовали, и…

— Ага, схватили, — подтвердил Конан. — А я разнес череп новому и ушел. Я был бы здесь уже пару часов назад, но мне пришлось уладить кое-какие дела. Ну а теперь что? Поохотимся на Жреца?

— Конан! — задрожал Мурило. — Мы в доме самого Сатаны! Я пришел убить человека, а наткнулся на волосатого дьявола, поднявшегося из Ада.

Конан озадаченно присвистнул. Люди враги не могли его запугать, но как человек примитивный, он был полон суеверного страха перед сверхъестественными явлениями.

— Мне удалось перелезть через стену, — шептал Мурило. — В саду я нашел разорванного и задушенного пса Набонидуса. В доме сначала обнаружил слугу Джоку со свернутой шеей, а затем наткнулся на самого Набонидуса. Он был в ритуальной одежде и неподвижно сидел в кресле. Я думал, что он спит, хотел подкрасться к нему и зарубить, но тут он встал… И посмотрел на меня! О, Митра!

Воспоминания о пережитом ужасе на минуту лишили Мурило речи.

— Конан, — произнес он наконец. — Это был НЕ ЧЕЛОВЕК! Только фигурой он напоминал человека, но из-под жреческого капюшона на меня смотрело лицо, будто явившееся из кошмарного сна безумца. Все покрытое черной щетиной, из которой сверкали красные поросячьи глазки. Нос плоский, с вывернутыми ноздрями, толстые губы дрожали в свирепом рычании, обнажая жуткие громадные клыки. Руки с острыми когтями, густо покрытые шерстью,

выступали из алых рукавов мантии. Все это я разглядел в одно мгновение. Меня охватил ужас и я потерял сознание.

— А что потом? — нетерпеливо спросил Конан.

— Должно быть, чудовище швырнуло меня в подземелье. Я очнулся совсем недавно. Конан, я подозревал, что Набонидус больше, чем человек. Теперь мне известно наверняка — он оборотень! Днем он ходит в человеческом облике, а ночью…

— Ясное дело, — согласился Конан. — Только обычно такие превращаются в волков. Но почему он убил собаку и слугу?

— Кто может постичь разум дьявола? — ответил Мурило. — Лучше подумаем, как нам отсюда выбраться. Человеческое оружие бессильно против Сатаны. Ты как сюда проник?

— Я предположил, что сад охраняется, поэтому воспользовался каналом для нечистот, который соединен тоннелем с этим подземельем. Я надеялся проникнуть отсюда прямо в дом.

— Тогда немедленно бежим обратно этим же путем! — воскликнул Мурило.

— Главное — выбраться из этого жуткого логова! Со стражниками как-нибудь договоримся. В крайнем случае, уедем из города. Веди, Конан!

— Не выйдет, — сказал киммериец. — Путь в канал закрыт. Как только я вошел в тоннель, сверху обрушилась железная решетка, и если бы я не прыгнул вперед быстрее молнии, она пришпилила бы меня к полу, как червя. Я попытался ее поднять, но она и не дрогнула. Ее не сдвинул бы и слон. Через ее ячейки не проникнет никто, крупнее крысы.

Мурило грязно выругался. Можно было сразу предположить, что Набонидус не оставит без защиты ни единой лазейки, ведущей в его берлогу. Они заперты!

— Тогда нам не остается ничего иного, как искать еще какой-нибудь выход, — сказал Мурило. — Наверняка, все они снабжены ловушками, но у нас нет выбора.

Ворчание варвара, видимо означало согласие. Они осторожно, ощупью, двинулись вдоль стены коридора.

— Как ты узнал меня в темноте? — вдруг вспомнил Мурило.

— Я услышал запах духов, которыми ты поливаешь свои волосы, — ответил Конан. — Как раз тогда, когда готовился выпустить тебе кишки.

Мурило приложил к носу прядь волос. Запах был едва слышен. Он еще раз удивился остроте чувств варвара. Через некоторое время впереди замаячил слабый свет. Коридор делал резкий поворот. Мурило и Конан осторожно выглянули из-за угла. Посреди коридора лежало полуголое человеческое тело, освещенное лучами, лившимися из висящего на стене широкого серебряного щита. Очертания лежащей фигуры показались Мурило знакомыми. Жестом приказав киммерийцу следовать за собой, Мурило подошел поближе и склонился над телом. Преодолевая брезгливость, он схватил лежащего за плечи и перевернул на спину.

Крик ужаса вырвался из груди юного аристократа. Стоявший рядом Конан только недоуменно фыркнул.

— Это Набонидус, — выдавил Мурило. — Кто же тогда…

Лежащий застонал и пошевелился. С кошачьей ловкостью Конан прыгнул к нему, намереваясь вонзить стилет в сердце врага, но в последний момент Мурило схватил его за руку.

— Подожди! Пока не надо его убивать.

— Почему? — удивился Конан. — Ты же видишь, он сбросил шкуру оборотня и спит. Хочешь, чтобы он проснулся и разорвал нас в клочья?

— Смотри, — сказал Мурило. — Он не спит. Видишь, у него синяк на виске. Его оглушили, видимо, он лежит здесь давно.

— Но ты сам говорил, что недавно видел его наверху в виде оборотня.

— Да, видел. Но может… Он приходит в себя! Попридержи свой кинжал, Конан. Мы

впутались в более серьезное дело, чем мне казалось вначале. Надо попытаться допросить его.

Набонидус поднял дрожащую руку к виску, застонал и открыл глаза, которые скоро приобрели разумное выражение. Взгляд его остановился на Мурило.

— Ты почтил мой дом своим присутствием, молодой господин, — холодно усмехнулся жрец, поглядывая на Конана, стоявшего за спиной Мурило. — Зачем ты привел этого силача? Разве твоего меча недостаточно, чтобы лишить жизни мое бедное тело?

— Хватит об этом, — оборвал его Мурило. — Как долго ты тут находишься?

— Нелегкий вопрос для человека, едва пришедшего в себя. Не знаю, который теперь час. Помню только, что ударили меня незадолго до полуночи.

— Кто же находился в доме, облаченный в твои одежды?

— Это, должно быть, Так, — ответил жрец, осторожно ощупывая раны. — Наверняка, это он. Ты говоришь, в моих одеждах? Паршивая скотина!

Конан, не понимая, о чем идет речь, выругался на своем языке. Набонидус бросил в его сторону беспокойный взгляд.

— Нож твоего наемника тоскует по моему сердцу. Я же считаю, Мурило, что у тебя хватит ума воспользоваться моим предупреждением и бежать из города.

— У меня не было уверенности в том, что ты позволишь мне это сделать. К тому же у меня здесь дела.

— Ты выбрал хорошего исполнителя, — сказал Набонидус, искоса поглядывая на Конана. — Я давно подозревал тебя. Бедняга кастелян поведал мне о многом, прежде, чем умереть. Назвал он имя и одного молодого дворянина, который подкупил его, чтобы узнать некоторые тайны двора, а потом продать их соседним странам. И не стыдно тебе, Мурило, преступник с нежными руками?

— У меня не больше причин для стыда, чем у тебя, мерзавец с сердцем грифа, — ответил Мурило, ничуть не смутившись. — Из-за своей ненасытной жадности ты грабишь все королевство, нацепив на рожу маску праведника, уставшего от государственных забот. Ты надуваешь короля, разоряешь богатых, угнетаешь бедняков. Ты лишил будущего наш народ ради своих гнусных амбиций. Не пытайся сравнивать мои прегрешения со своими злодействами. А этот киммериец вообще самый честный из нас — он крадет и убивает открыто, рискуя жизнью.

— Ну, ладно, — сказал Набонидус. — Значит, нас здесь трое мерзавцев, достойных друг друга. Но что будет со мной?

— Когда я увидел ухо убитого тобой кастеляна, то понял, что это мой смертный приговор, но чтобы привести его в исполнение, тебе потребовался бы приказ короля. Не так ли?

— Ты угадал, — ответил жрец. — От кастеляна легко было избавиться. Ты же лицо значительное, даже для меня. Как раз утром я собирался кое-что рассказать о тебе королю…

— И это стоило бы мне жизни! — закричал Мирило. — Так король еще ничего не знает о моей деятельности?

— До сих пор не знал, — вздохнул Набонидус, глядя на нож в руке Конана. — И я начинаю опасаться, что не узнает.

— Ты должен знать, как нам выбраться из этой ловушки, — сказал Мурило. — Договоримся так. Я подарю тебе жизнь, а взамен ты поможешь нам бежать и поклянешься молчать о моих… деяниях.

— Разве жрец способен сдержать клятву? — вмешался Конан. — Позволь мне перерезать ему горло. Хочу посмотреть, какого цвета у него кровь. В Лабиринте говорят, что сердце у Алого Жреца черное, тогда и кровь тоже должна быть черной.

— Помолчи! — шепнул Мурило. — Если он не покажет нам выход, мы оба погибнем здесь. Так что, Набонидус, согласен? — добавил он уже громче.

— Что может ответить волк, лапа которого в капкане, — усмехнулся жрец.

— Если мы хотим выбраться отсюда, то вынуждены помогать друг другу. Клянусь душой митры, что я забуду о твоих темных делах!

— Я удовлетворен, — сказал Мурило. — Даже Алый Жрец не посмеет нарушить такую клятву. А теперь уйдем поскорее из этого проклятого подземелья. Мой друг проник сюда через тоннель, но упавшая решетка отрезала путь назад. Ты можешь поднять ее?

— Не отсюда. Рычаг управления решеткой находится в комнате над тоннелем. Наверх можно выйти только одним путем. Я покажу его. Но сперва удовлетвори мое любопытство и расскажи, как ты сюда попал?

Мурило вкратце поведал о своих приключениях и жрец кивнул головой в знак того, что ему все понятно. Затем поднялся, и пошатываясь пошел по коридору. Подземелье расширилось, образовав просторное помещение. Жрец направился прямо к серебряному щиту. Подойдя к нему, Мурило и Конан увидели в щите узкие ступени, ведущие наверх.

— Вот и выход. Уверен, что дверь там, наверху, не заперта. Но мне кажется, что тому, кто осмелится пройти через нее, лучше сразу перерезать себе горло. Меньше мучиться, — и жрец жестом указал на щит.

То, что издали казалось щитом, на самом деле оказалось зеркалом, вмурованным в стену. К большому зеркалу была подведена целая система малых зеркал. Неожиданно молодой аристократ вздрогнул от удивления, а Конан ругнулся, не веря своим глазам. Казалось, они заглядывают через широкое окно в ярко освещенную комнату. Они видели зеркала на стенах, обитых атласом, пока покрытые драгоценным шелком ложа, кресла из эбенового дерева, инкрустированные слоновой костью, многочисленные двери, прикрытые портьерами. Но в глаза прежде всего бросалось черное чудовище.

Мурило замер от страха, — казалось, что бестия смотрит прямо ему в глаза. Инстинктивно он отскочил от зеркала. Конан, напротив, почти уткнулся в стекло носом, бормоча варварские ругательства.

— Во имя Митры. Набонидус! — Мурило еле дышал от ужаса. — Что это за мерзость?

— Это Так, — спокойно ответил жрец, осторожно массируя висок. — Его можно было бы назвать обезьяной, если бы он не отличался от обезьяны так же сильно, как и от человека. Его народ обитает далеко на Востоке, в горах, у границ королевства Заморы. Племя это немногочисленное, но я верю, что через тысячи лет они станут людьми. Сейчас же они находятся в переходном состоянии. Не знают огня и одежды, не строят домов, речь их состоит из ворчания. Я купил Така, когда он был совсем маленьким, но он рос и обучался всему намного быстрее и лучше любого зверя. Постепенно он стал моим защитником и слугой.

Но я забыл, что получеловеческое существо нельзя превратить в безвольную тень, как обычное животное. Видимо, в его мозгу таилась ненависть, злоба, и что-то в виде гордости. А сегодня весь день он вел себя беспокойно.

Я услышал звуки битвы в саду и подумал, что это мой пес рвет на части тебя, Мурило. Я пошел взглянуть на то, что от тебя осталось, но неожиданно из кустов выскочил Так. Он кинулся на меня и страшным ударом твердого как лошадиное копыто кулака поразил меня в висок. Судя по всему, он затем раздел меня и бросил в подземелье. Зачем? Одни боги знают это.

— Потом он убил Джоку. Я сам видел труп, — сказал Мурило, не отрывая взгляда от чудовища, которое сидело перед дверью с каменной неподвижностью.

Сверхъестественно широкие плечи растягивали алую одежду, открывая руки, покрытые густой шерстью. Вглядевшись в страшное лицо Така, Мурило согласился с мнением жреца, что бестия является чем-то большим, чем обычное животное. Ужасное тело таило в себе душу и разум, обещающие стать человеческими. Мурило отметил сходство между собой и бестией, и

неожиданно ему стало плохо от мысли — сколько еще звериного в человеке.

— Он должен нас видеть, — сказал Конан. — Но почему не нападает? Он легко может пройти через это окно.

— Он нас не видит, — ответил жрец. — Так охраняет дверь, к которой ведут эти узкие ступени. Его изображение передается через систему зеркал. Видите эти медные трубки?

Мурило стало ясно, что жрец опередил свое время на века. Конан же просто посчитал магией, и даже не попытался понять что-либо из объяснений Набонидуса.

— Я приказал соорудить это подземелье, чтобы оно служило и тюрьмой, и убежищем одновременно, — продолжал жрец. — Не раз я скрывался здесь и с помощью зеркал наблюдал, как гибнут жаждущие моей крови наемники.

— А почему Так стережет именно эту дверь? — спросил Мурило.

— Наверное, он слышал звук падения решетки в тоннеле. Решетка связана со звонком в комнате. Так знает, что кто-то находится в подземелье и ждет, когда мы поднимемся по ступенькам наверх. Он хорошо усвоил мои уроки. Так не раз видел, что происходило с людьми, проникшими в покои через эту дверь, когда я дергал за веревку, висящую на стене. Теперь он собирается последовать моему примеру.

— Что же нам делать?

— Пока только наблюдать. Любого из нас Так легко разорвет на куски. Ему даже не придется напрягать мускулы, стоит лишь потянуть за веревку, и мы перенесемся в вечность.

— Как же это получается? — поинтересовался Мурило.

— Я согласился помочь вам бежать, — ответил жрец. — Но не помню, чтобы я обещал раскрывать свои секреты.

Мурило хотел что-то сказать, но замер, уставившись в зеркало. Конан и Набонидус тоже прильнули к нему.

Чья-то рука украдкой раздвинула портьеру, прикрывавшую один из входов. Показалось смуглое лицо. Угрожающе сверкавшие глаза уставились на погруженную в кресло фигуру в алом капюшоне. Следом появились другие лица, все как одно пылавшие жаждой убийства.

— Это Петреус! — прошипел жрец. — Стая грифов слетелась этой ночью в мой дом.

— Что они тут делают? — прошептал Мурило.

— А что может делать в доме Алого Жреца Петреус со своими оголтелыми националистами? Видишь, с какой ненавистью они смотрят на того, кого принимают за своего злейшего врага. Они делают ту же ошибку, что и ты, Мурило. Представляю, какие будут у них рожи, когда они столкнутся с Таком.

Мурило молчал. Вся эта сцена казалась ему нереальной. Было непонятно, чувствует ли Так приближение убийц, ибо по-прежнему он сидел спиной к ним.

— Они проникли в дом с теми же намерениями, что и ты, — продолжал Набонидус. — Только из патриотических побуждений, а не из личных. Ах! Какой случай представился бы мне, чтобы избавиться сразу ото всех заговорщиков, будь это я там, в кресле…

Петреус и его спутники с обнаженными мечами в руках осторожно двигались к креслу.

Внезапно Так вскочил и бросился на заговорщиков. Застигнутые врасплох ужасным видом чудовища, те мигом растеряли всю свою храбрость и решительность. Охваченные паникой, они бросились в узкий проход, сбивая друг друга с ног и спотыкаясь об упавших. В этот момент Так одним прыжком достиг стены, схватил толстую шелковую веревку и дернул.

Тут же портье разошлись, открывая коридор, и сверху что-то упало, блеснув серебром.

— Запомнил! — ликовал Набонидус. — Эта бестия — почти человек! Однажды он был свидетелем такой казни и запомнил все! Теперь смотрите внимательно!

Мурило догадался, что коридор перегорожен с обеих сторон стеклянной стеной.

Заговорщики метались то в одну сторону, то в другую, но везде натыкались на прочную, почти невидимую преграду.

— Дергая за веревку, вы запираете коридор, — хихикнул Набонидус. — Стеклянные плиты можно поднять только снаружи. Они очень прочные. Против них бессилен даже кузнечный молот.

Жертвы напрасно метались в прозрачной западне, в бешенстве стуча мечами по хрустальным стенам. Красная фигура спокойно наблюдала снаружи за происходящим. Внезапно один из заговорщиков взглянул вверх и что-то закричал, указывая рукой на потолок.

— Падение стен вызывает Туман Смерти, — услужливо пояснил Алый Жрец, заливаясь смехом. — Это пыльца черного лотоса, который растет только на Болотах Мертвецов, в далеких джунглях Кхитая.

В коридор медленно опускалась гроздь золотых тюков. Из появившихся в них отверстий ниспадали волны серого тумана, постепенно заполнявшие ограниченное стеклами пространство. И тут паника, охватившая пленников, уступила место агрессивности и безумию. Люди в коридоре шатались как пьяные. Пена выступала на их искривленных жутким смехом губах. С дикой яростью они бросались друг на друга. Рубили, кололи, грызли, раздирали на части своих бывших друзей в безумии смерти.

Мурило затошнило, и он возблагодарил богов за то, что хотя бы не слышит воплей и стонов несчастных. Вид радостно подпрыгивавшего у стены Така вызвал у него омерзение. А за спиной Набонидус гнусно хихикал:

— Какой прекрасный удар, Петреус! Ты выпотрошил его на совесть! А вот этот выпад был припасен именно для тебя, мой друг-патриот. Ну наконец-то! Пали все, и живые грызут трупы мертвых!

Смерть воцарилась в стеклянном коридоре. Заговорщики лежали кучей изрезанных, искалеченных тел, обратив вверх окровавленные лица с невидящими глазами, над которыми парил туман-убийца.

Сгорбленный Так, похожий на гигантского гнома, подошел к стене и снова дернул за веревку.

— Он открывает внешние двери! — восхитился Набонидус. — Клянусь Митрой, в нем больше ума, чем я думал. Видимо, туман выплывает из коридора, а Так ждет, когда он полностью рассеется, и только тогда поднимет внутреннюю стену. Так осторожен и знает силу черного лотоса, несущего безумие и смерть. Вот он, наш единственный шанс. Если Так покинет комнату хоть на пару минут, мы можем рискнуть подняться по ступеням.

Все напряженно следили за тем, как внутренняя стена поднялась и чудовище исчезло в глубине коридора. Портьеры сдвинулись, скрывая место казни.

— Пора! — воскликнул жрец, обращая к Мурило лицо, на котором выступил пот. — Так видел когда-то, как я избавлялся от тел, и решил сделать то же. Быстрее наверх!

С этими словами Набонидус бросился вверх по ступеням с удивительной для его возраста скоростью. Мурило и Конан неслись за ним по пятам. Вот, наконец, и дверь. Распахнув ее, все облегченно вздохнули — Така в комнате не было.

— Он сейчас в коридоре. Почему бы нам не поймать его в ту же ловушку?

— предложил Мурило.

— Нет, нет, — возразил жрец, утомленно дыша. — Мы не знаем точно, где он сейчас. Кроме того, мы можем не успеть добежать до веревки. Следуйте за мной, нам надо добраться до моей комнаты, там хранится оружие, способное уничтожить Така.

В мгновение ока они очутились у покоев жреца, но дверь была заперта.

— О, Митра! — Алый Жрец пошатнулся и оперся о стену, лицо его приобрело пепельный

оттенок. — Так отобрал у меня ключи и запер комнату. Мы в ловушке!

Мурило в оцепенении раскрыл глаза, уставившись на жреца.

— Эта бестия ужасает меня, — произнес Набонидус, взяв себя в руки. — Я видел, как он разрывает людей… Помоги нам, Митра! Теперь нам придется сражаться с ним тем оружием, которое даровали нам боги! Идемте!

Они вернулись к замаскированному портьерами входу в круглую комнату как раз в тот момент, когда Так появился из противоположной двери. С первого взгляда было заметно, что чудовище что-то почуяло. Бросая вокруг свирепые взгляды, Так подошел к ближайшей двери и отдернул портьеру, чтобы проверить, не прячется ли там кто-нибудь.

Набонидус, трясясь от страха, судорожно вцепился в руку Конана и шепотом спросил:

— Парень, готов ли ты выставить свой кинжал против клыков Така?

Блеск глаз киммерийца был ответом на вопрос.

— Тогда поспешим, — зашипел жрец, подталкивая Конана к стене за портьерой. — Мы с Мурило отвлечем его внимание. Мурило, как только он заметит тебя, беги по коридору, а ты, варвар, постарайся вонзить Таку нож в спину, когда он будет пробегать мимо тебя. Надежд на спасение мало, но другого выхода у нас нет.

Мурило, преодолевая страх, отодвинул портьеру и высунулся в круглый зал. Так мгновенно заметил его и прыгнул по направлению к нему с жутким рычанием, обнажив страшные клыки. Мурило бросился бежать вдоль коридора. Страх прибавил ему сил, но черно-красное чудовище настигало его.

Как только Так миновал портьеру, Конан прыгнул ему на спину, одновременно вонзив стилет в шею бестии. Так завизжал и, не удержавшись на ногах, покатился по полу. Конан переплел ноги на торсе бестии, стараясь удержаться на спине чудовища, нанося удар за ударом. Так пытался дотянуться до киммерийца клыками, которые зловеще щелкали в усилиях разорвать нападающего. Противники клубком перекатывались по полу и Мурило никак не решался пустить в ход тяжелое кресло, боясь попасть в Конана.

Несмотря на то, что на стороне варвара было преимущество внезапности, а движения чудовища сдерживались красной мантией, сверхъестественная сила Така начала брать верх. Медленно, но неумолимо киммериец соскальзывал навстречу дышащей смертью пасти чудовища.

Обезьяночеловек получил уже такое количество ударов, которого хватило бы, чтобы убить дюжину людей. Кинжал Конана методично погружался по рукоять в спину, плечи, затылок бестии, залитой кровью, но, видимо лезвие не задело еще жизненно-важных органов. У Така оставалось достаточно сил, чтобы разорвать Конана и двух его спутников. Черные когти чудовища рвали тело киммерийца, а клыки целились прямо в горло.

В этот момент Мурило, улучшив момент, обрушил тяжелое кресло на голову Така. Оглушенное чудовище на миг ослабило хватку, и истекающий Конан молниеносно вонзил кинжал в сердце бестии.

Судорога пробежала па телу обезьяночеловека. Он попытался подняться и не смог, глаза его закатились. Еще несколько раз Так дернулся в агонии и застыл.

Конан пошатываясь, медленно поднялся на ноги, тыльной стороной ладони отер кровь и пот, заливавшие ему глаза. Мурило бросился к Конану, чтобы поддержать его, но тот остановил аристократа нетерпеливым жестом:

— Если я когда-нибудь не смогу встать на ноги, это будет означать, что я умер, — произнес он распухшими губами. — А вот кувшин вина я выпил бы сейчас за милую душу.

Набонидус уставился на труп Така, как-будто еще не мог поверить своим глазам. Лежащее чудовище в красных одеждах было похоже на человека как никогда раньше. Даже Конан заметил

это и сказал:

— Сегодня я победил не зверя, а человека. Его имя будет среди самых сильных и храбрых противников, из тех, чьи души я отправил в край вечной тьмы, и мои женщины будут петь о нем песни.

Набонидус наклонился и поднял связку золотых ключей, которые свалились с шеи Така. Кивком пригласил их следовать за ним.

Покои жреца были роскошны и прекрасно освещены. Набонидус взял со стола кувшин с вином и наполнил хрустальные бокалы. Когда все утолили жажду, он сказал:

— Ну и ночка выдалась! Светает. Что вы намерены делать дальше?

— Дай мне бинты и лекарства — я перевяжу раны Конана, — ответил Мурило.

Набонидус кивнул в знак согласия и двинулся к выходу. Внезапно Мурило обратил внимание, что в поведении жреца произошли неуловимые изменения. Набонидус остановился в дверях и резко обернулся. Глаза его победоносно блестели, губы кривились в жестокой усмешке:

— Эй, вы — мерзавцы, — издевательски зазвучал его голос. — И такие же законченные глупцы! Особенно ты, Мурило!

— Что ты имеешь в виду? — аристократ приготовился к прыжку.

— Не двигаться! — голос жреца ударил как бич. — Еще шаг, и я уничтожу вас!

— Это измена! — вскричал Мурило. — Ты же клялся!

— Клялся, что не сообщу королю о ваших проделках, но я не обещал, что не попытаюсь разделаюсь с тобой. Неужели ты думаешь, что я упущу такой случай? Не надо просить санкции короля. Никто ничего не узнает. Ваши трупы попадут в бассейн с кислотой вместе с Таком и всякий ваш след исчезнет. Чудесная ночь! Я потерял слуг, но зато избавлюсь одним махом от всех своих злейших врагов. Стоять! Вам меня не достать, а я всегда успею дернуть за веревку и отправить вас в ад. Все мои комнаты оборудованы ловушками. В этой, правда, не лотос, Но не менее эффектное средство. Так вот, Мурило, ты глупец…

С почти неуловимой глазом быстротой, Конан схватил стол и метнул его в жреца. Набонидус хотел было защититься, вытянув руки вперед, но не успел. Тяжелый стол раскроил ему череп. Алый Жрец рухнул ничком. У его головы расплывалась лужа крови.

— Однако, кровь у него все-таки красная, — буркнул Конан.

Мурило почувствовал, что у него подгибаются ноги. Неожиданное спасение лишило его последних сил. Он оперся о кресло, чтобы не упасть, вытер со лба холодный пот и наконец сказал слабым голосом:

— Светает… Уходим, пока на нас не напал еще кто-нибудь. Если нам удастся незаметно перелезть через стену, никто не сможет заподозрить, что мы принимали участие в событиях этой ужасной ночи. Пусть королевские гвардейцы поломают себе головы.

Мурило бросил прощальный взгляд на тело Набонидуса.

— Это ты был глупцом, жрец. Слишком много болтал и издевался…

— Его постиг конец, который рано или поздно ожидает любого мерзавца,

— равнодушно произнес Конан. — Хорошо бы ограбить его дом, но, пожалуй, нам лучше поскорее уйти.

— Алому Жрецу пришел конец, — сказал Мурило, когда они выбрались из сада под покровом предрассветного тумана. Мне теперь нечего опасаться. А что будет с тобой, друг мой? Тебя наверняка разыскивают.

— Мне уже надоел этот город, — ответил с улыбкой Конан. — Ты что-то говорил о коне и кошельке с золотом, которые ожидают меня в Крысиной Норе? Интересно проверить, как быстро доскачет этот конь до границы соседнего королевства. Я хочу еще походить по многим дорогам, прежде чем уйти туда, куда намеревался отправить нас Набонидус этой ночью.